



А. С. ГАСПАРЯН

Генерал Скоблин. Легенда советской разведки

<Фрагмент>

<...> В доме, который он занимал в пригороде Брюсселя, проживали кроме самого генерала его жена, четверо детей, повар и денщик. В начале марта 1928 года денщик Врангеля Яков Юдихин обратился к генералу с просьбой приютить на несколько дней своего брата, тоже бывшего солдата, приехавшего к нему в гости. Позднее выяснилось, что брат этот, о котором Юдихин никогда раньше не говорил, был матросом советского торгового корабля, стоявшего в это время в Антверпене. Через несколько дней неожиданный гость уехал, а 18 марта Врангель внезапно заболел.

Приехавшему из Парижа знаменитому русскому врачу Алексинскому Петр Николаевич жаловался: *«Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами и вычислениями. Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы, приказы, приказы!»* Диагноз, который поставил Алексинский, изумил всех — интенсивный туберкулез. Ведь за свою жизнь генерал ни разу туберкулезом не болел. Между тем в самом начале марта Врангель посетил расположенные на севере Бельгии угольные шахты, в которых работали бывшие чины Русской армии. Известно, что среди рабочих свирепствовала эта страшная болезнь. А тогда генерал Врангель не только принимал парад своих сослуживцев, но и неоднократно спускался в шахты. Там-то и мог он заразиться, тем более что Петр Николаевич уже был серьезно простужен и получил врачебное предостережение о нежелательности такой поездки. Мать генерала Мария Дмитриевна Врангель вспоминала: *«Это были 38 суток сплошного мученичества! Его пожирала сорокаградусная температура. Он метался, отдавал приказы, порывался встать. Призывал секретаря и делал распоряжения до мельчайших подробностей»*.

25 апреля 1928 года Врангель скончался. Потеря для русской эмиграции была невозполнимой. Петр Николаевич был кумиром армии.

Не случайно еще в 1924 году один из самых талантливых писателей русского зарубежья Иван Савин писал в своем посвящении барону:

Этот желтый лист с Вашим лицом я вырезал из журнала немецкого — «Die Woche». Была внизу надпись: «Der Hartknakiger. Feind von Lenin, — General Wrangel», таким кудрявым готическим шрифтом, с завитушками. Завитушки я отрезал — разве и так не знаю, что большего врага, чем Вы, у Ленина не было? — потом желтый лист с Вашим портретом, осторожно посмотрев кругом, спрятал в кармане. Осторожно потому, что — простите меня! — портрет ваш я украл в русской библиотеке, порывшись в груди старых журналов. Нехорошо это очень и стыдно. Но, только что вырвавшись из красного плена, так хотелось увидеть Ваше лицо, а нигде достать не мог. И потом все равно через месяц библиотека эта закрылась, книги ее и журналы продавались с пуда на рынке и заворачивали в них сельди.

Вы в кавказской бурке, в папахе. Бледное лицо Ваше слегка затушевано тенью с левой стороны. А глаза строго улыбаются. Мне всегда казалось странным и милым это сочетание: суровость и ласковость. В «Die Woche» особенность Ваших глаз, Ваших губ передана так выпукло. Может быть, потому я и совершил кражу.

Каблуков Ваших сапог не видно, и это жаль. Мне дороги как-то и памятны эти каблуки. В первые дни крымского наступления, когда могучей радостной лавой мы рвались вперед, Вы, где-то у Днепра, посетили нашу дивизию.

«Господа офицеры, вперед!» — громко крикнули Вы после смотра. Эхо Вашего голоса гулко отдалось в степи. Я не понимаю, почему на Ваш зов ринулась вся дивизия — с офицерскими звездочками, со шнурками вольноопределяющихся, с гладкими погонами рядовых. Всем хотелось быть ближе к Вам, окружить Вас тесным кольцом. Я бежал с другими и думал: это нарушение дисциплины, главнокомандующий цукнет нас. Но главнокомандующий понял, что за любовь не наказывают. Главнокомандующий не цукнул. Вы долго говорили с дивизией о задачах наших, о нуждах, об отношении к населению. Я стоял в десяти шагах от Вас. На Вас была та же бурка, та же папаха, те же сапоги, старые, с истертыми каблуками. На одном из них — кажется, левом — виднелась огромная латка из бурой кожи. И вот с той минуты я не переставал думать о ней, о заплате на сапоге главнокомандующего. Когда теперь социалистическая грязь пытается очернить Ваше имя, Вашу честность, равной которой не знаю в наше подлое время, когда Керенские справа гнусавят о «бесконтрольном расходовании казенных сумм в Крыму», мне хочется крикнуть: «Лжете! Сам генерал Врангель носил латаные сапоги!».

При вскрытии в организме было обнаружено большое количество туберкулезных палочек явно внешнего происхождения. На следующий день парижские газеты писали: «Циркулируют упорные слухи о том, что генерал Врангель был отравлен». Якобы Петр Николаевич говорил одному из друзей, что ему стоило бы предпринять крайние меры предосторожности в отношении своего питания, так как он опасается отравления. <...>

